

Глава 1

Элеонор

Впервые я умерла тем самым летом, когда мне исполнилось семнадцать. Я помню, воздух тогда был настолько раскаленный, что можно было почувствовать сладковатый сернистый запах спекшейся на солнце глины — резкий и почти пугающий. Высокие, полностью лишённые листьев стебли зубровки стояли, бессильно свесив метелки. Помню медный привкус крови во рту, когда поднималась над своим искореженным телом, распластавшимся, словно тряпичная кукла, у проселочной дороги. «*Отпустите меня*», — думала я, паря над землей, невесомая, как перышко. И все же проблески сознания и мысль о божьей каре все еще связывали меня с земной жизнью незримыми нитями, тонкими, словно осенняя паутинка. Еще до того, как я услышала вой сирен и отчаянные крики матери, я уже поняла, что мой полет не будет долгим и в загробном мире я не задержусь.

Повиснув между земным и лучшим миром, я наблюдала, как мать склонилась над телом моей сестры Евы, ноги которой были неестественно вывернуты. Два сотрудника «Скорой помощи» суетились вокруг нее, причем один из них тщетно пытался оттащить от

пострадавшей мать. В этот момент второй заметил меня, хотя мое тело и было скрыто густым придорожным кустарником. Он опустился на корточки рядом со мной и попытался нащупать пульс. Надо сказать, я ничего не чувствовала и пассивно наблюдала за всем происходящим, словно смотрела странный кинофильм.

Врач был очень молод, с густыми светлыми волосами на голове и мускулистых руках, блестящими на солнце и почему-то напоминавшими мне колосья зубровки. Я была так поглощена своим наблюдением за ним, что не заметила, как он начал делать мне искусственное дыхание. По-прежнему никаких ощущений. Теперь я пристально смотрела на сестру и мать, которая даже не удостоила меня ни единым взглядом. Впрочем, ничего иного я от нее и не ожидала.

А еще там был Глен — высокий, стройный и сильный, который в отчаянии и бессилии метался между мной и Евой, и от его стремительных шагов взметались клубы пыли.

Я вдруг услышала, как меня позвали по имени, и на какое-то мгновение подумала, что это, должно быть, пришел отец, чтобы забрать меня с собой, увести от этих двух поломанных девушек, вопящей матери и раскаленного воздуха, наплывавшего горячими плотными волнами. Мухи с жужжанием облепили тоненькую струйку крови, текущую из моего приоткрытого рта, но я не слышала и не чувствовала их прикосновения. Я подумала, что неплохо было бы, если бы кто-то их прихлопнул, и тут мой взгляд неожиданно упал на деревянную церквушку, спрятавшуюся за деревьями. Когда мы с Евой ехали на велосипедах по проселочной

дороге, хохоча, словно маленькие девчонки, которыми когда-то были, я не видела там никакого здания, хотя, казалось, его невозможно было не заметить.

Ослепительно-белые стены и высокая колокольня сияли под беспощадными солнечными лучами, словно излучая благодать. Над красной арочной дверью были написаны слова молитвы, ржавая калитка в ограде покачивалась, словно через нее проходили души усопших. Но церкви просто не могло быть там, где она сейчас пряталась, — между гигантскими дубами и ярко-зеленым кустарником. Тем не менее белые стены сверкали на солнце, словно были только вчера покрашены, и деревянные ступеньки, ведущие ко входу — отполированные и вытертые тысячами ног, — казались вполне реальными. На нижней ступеньке сидела крупная женщина с кожей цвета древесного угля и плела корзину из стеблей зубровки. Она на меня не смотрела, но я была уверена, что именно она позвала меня по имени.

«Кто вы?» — хотела спросить ее я, но все, что я могла, — это смотреть, как ее пальцы ловко перебирают стебли травы, рождая причудливый орнамент. Наконец она взяла корзинку, поднялась на ноги и направилась к тому месту, где лежала я. Женщина на мгновение остановилась и посмотрела на меня. Ее тень, словно ангел милосердия, закрыла мое тело, спасая от палящих солнечных лучей. Незнакомка медленно опустилась на колени рядом с врачом и склонилась прямо надо мной. Он, казалось, не заметил ее, когда она наклонилась к моему уху. Ее слова прозвучали очень ясно, и мне показалось, что прохладный ветерок от ее губ коснулся моей щеки, когда она произнесла:

— *Глаза закрыты, но не спишь, а попрощавшись, не уходишь.*

Страшная боль обрушилась на меня, словно резкий удар кулака, когда меня рвануло к земле и начало втягивать в тело, в котором моя душа обитала уже семнадцать лет. Я сделала глубокий судорожный вдох, и воздух, показавшийся мне ледяным, чуть не разорвал легкие. Открыв глаза, я встретила взглядом с голубоглазым врачом, вздрогнувшим от неожиданности. Я повернула голову в поисках неизвестной женщины, но она исчезла, как и белоснежная церковь. Лишь все еще стоявший в ушах скрип ржавой калитки и навязчивый запах опаленной солнцем зубровки напоминали о ней.

Мать без умолку выкрикивала имя сестры, а я лежала, уставившись в ясное синее небо, где медленно кружила белая цапля.

«Глаза закрыты, но не спишь, а попрощавшись, не уходишь».

Я не знала, что хотела сказать мне таинственная женщина, произнося эти слова, но подумала лишь, что мне даровали новую жизнь, чтобы я могла осознать их смысл.

Глава 2

Глен терпеливо ждал, пока я не без труда карабкалась на обшарпанное крыльцо нашего дома в Северном Чарльстоне с сумками, набитыми продуктами, зажав при этом в руке сдачу от автобусного билета.

— Что-то ты задержалась, — мягко произнес Глен, подходя ко мне. Грациозные движения и длинные стройные ноги делали его похожим на танцора.

Вот эти самые длинные ноги и спасли жизнь Евы — а возможно, и мою собственную — в тот самый знойный летний день много лет назад. Он быстро сбегал за помощью, а потом, в старших классах и на первых двух курсах колледжа, благодаря этим выдающимся ногам стал звездой на беговой дорожке. Он никогда не принадлежал мне, даже в те времена. С первой минуты, как Ева увидела его потягивающим кока-колу с друзьями из кадетского корпуса «Цитадель» в кафе «Каролина», она забрала его сердце.

Я улыбнулась ему, но улыбка растворилась в полутьме.

— Мистер Бофейн попросил, чтобы я закончила проект до его ухода.

Глен принял из моих рук один из пакетов, его пальцы задержались на моей руке.

Он стоял совсем рядом, я могла вдыхать его запах, видеть влажные завитки темных волос, падающие на воротник рубашки. Он был все еще в галстук. Интересно, он только что пришел и просто еще не успел зайти в дом или же сидел здесь в ожидании моего появления?

— Как дела, Элеонор? Расскажи все как есть. Мы ведь в последнее время так редко видимся.

Я занервничала и бросила быстрый взгляд на окна.

— Прекрати, — сказала я, знакомое слово прозвучало резко, полоснув ночной воздух, как лезвие бритвы.

Голос Глена был приглушенным, как будто он не хотел, чтобы нас подслушали.

— Я же не делаю ничего предосудительного, Элеонор. Поверь, я никогда не поставлю тебя в неловкое положение.

— Прекрати, — повторила я, отворачиваясь, но все еще чувствуя его прикосновение. Казалось, его пристальный взгляд прожигал мне спину.

В этот момент мать распахнула дверь.

— Мы тут уже чуть с ума не сошли, ожидая тебя. Где тебя носило? Твоя сестра чуть не умерла с голоду, а я, как тебе известно, не могу принимать лекарство на голодный желудок.

Она взяла у меня из рук второй пакет с продуктами, а я украдкой бросила взгляд на Глена, который лишь слегка пожал плечами в знак сочувствия.

Ева сидела в инвалидном кресле на остекленной веранде, где когда-то недолго стоял рояль. Когда мы жили на острове Эдисто, моим любимым занятием было сидеть за роялем рядом с отцом, чувствуя восхитительный запах моря и солнца, исходящий от него. Руки отца были обветренными, с кожей, загрубевшей от морских снастей и сетей для ловли креветок. Тем не менее пальцы его были на удивление изящны и обладали магической силой превращать ноты в полные жизни мелодии поразительной красоты. У него не было никакого музыкального образования, но он научил меня видеть музыку внутренним взором, чувствовать ее сердцем, и черные знаки на нотных листах рождали возвышающие душу звуки. Он покупал учебники, чтобы я могла научиться читать ноты, но его уроки

дали мне гораздо больше для постижения красоты музыки. В то время как мать таскала Еву с одного конкурса красоты на другой, отец строил планы моего поступления в Джульярдскую музыкальную школу в Нью-Йорке.

Ева подняла на меня глаза.

— Привет, Элеонор. А мы уже начали думать, что ты вообще не собираешься возвращаться домой.

Я сбросила жакет и повесила его на спинку стула, оставив ее язвительное замечание без ответа. Ведь я только об этом и думала, когда ехала из центра Чарльстона в древнем «Бьюике Регал» своей старой подруги и коллеги Люси Коакли, а потом тряслась в обшарпанном переполненном автобусе, который швыряло из стороны в сторону.

— Прошу прощения. Пришлось задержаться на работе.

Несмотря на все протесты Люси, я настояла на плате за то, что ей пришлось целых два часа ждать, пока я не закончу работу. Но об этом им тоже вообще не следует знать.

Между бровями Евы появилась тоненькая морщинка.

— Тебе бы следовало намекнуть мистеру Бофейну, что следует оплачивать сверхурочную работу, если ты задерживаешься после пяти.

Я подумала о своем боссе, который был лишь немногим старше меня. Это был серьезный мужчина с серо-голубыми глазами и спокойными манерами. Он даже иногда приносил мне еду, когда я не успевала пообедать, и никогда не задавал лишних вопросов по

поводу опозданий и ранних уходов. Мистер Бофейн был в курсе, что мне надо водить сестру по врачам, и, хотя я ровным счетом ничего не знала о его личной жизни, за исключением того, что он был разведен и воспитывал маленькую дочь, казалось, всегда с пониманием относился к моему вынужденному отсутствию.

— Спасибо за совет. Я непременно скажу ему об этом, — сказала я, старательно избегая встречаться взглядом с сестрой и поэтому вглядываясь в большое окно позади нее. Оттуда открывался вид на небольшой сад на заднем дворе, за которым когда-то любовно ухаживала мать, пока ее совсем не замучил артрит. С тех пор сад одичал, и, надо сказать, в таком виде он был мне больше по душе — мне нравились буйные побеги дикого винограда, которые обвивали погнутую и весьма потрепанную временем решетку беседки, отчаянно цепляясь за нее, словно дитя за юбку мачехи. Это была целая симфония неожиданных сочетаний цветов на заброшенных клумбах, которые, казалось, не имели права на существование — неухоженный сад рождал новые, доселе не слышанные аккорды. Когда я оказывалась посреди этого дикого великолепия, мне всегда чудилось, что я могу слышать музыку цветов и растений, полновластно царящих там.

Я снова перевела взгляд на бледное лицо сестры с совершенными чертами и увидела, как она подняла подбородок, чтобы Глен мог коснуться ее губ. Ее изящная ручка с золотым кольцом на безымянном пальце цепко держала его руку. Она напоминала фарфоровую куклу — белоснежная кожа, фиалковые

глаза, иссиня-черные волосы, точь-в-точь как были когда-то у нашей матери, длинные тонкие ноги и руки. На ней было бледно-лиловое шелковое домашнее платье, переделанное самой Евой из платьев, в которых она когда-то участвовала в конкурсах красоты, оттеняющее ее удивительные глаза и нежную кожу. При встрече с ней многие видели лишь необыкновенную красоту, по злой иронии судьбы прикованную к инвалидному креслу, тонкие лодыжки и бесполезные неподвижные ноги. Но это была лишь завеса, не позволяющая им разглядеть железную решимость во взгляде и непреклонный характер, не умеющий прощать.

Возможно, я видела все это лишь потому, что мне позволяли видеть. Мать скрылась на кухне, продолжая ворчать.

— Еве надо искупаться на ночь. У нее весь день болела голова, и, думаю, ей не помешает массаж, который ты так хорошо умеешь делать.

Я последовала за ней на кухню, на ходу закатывая рукава. У меня не было времени переодеться, и оставалось надеяться, что запах жареной курицы не пропитает мой деловой костюм. У меня были две добротные юбки, и я меняла их в разных сочетаниях с пятью блузками. Было сложно представить, что запах пережаренного жира будет благосклонно воспринят коллегами из инвестиционной компании «Бофейн и партнеры».

Я принялась смешивать муку, соль и яйца для кляра, а мама в это время мыла в облупленной фарфоровой раковине цыпленка. Я тихо напевала про се-

бя, пытаюсь выдержать ритм симфонии, которая, казалось, всегда играла у меня в голове. Мать выключила кран. Она вытирала цыпленка бумажным полотенцем и казалась полностью поглощенной этим занятием.

— А ты сегодня разве не играешь у Пита?

Обмакнуть, встряхнуть, повернуть. Я сосредоточилась на процессе покрывания курицы кляром в надежде скрыть легкую дрожь в руках.

— Почему-то Пит сегодня не позвонил. Думаю, они нашли другого пианиста, который может приходить регулярно. Кроме того, надо искупать Еву.

На сковородке зашипел жир, мать отбросила с лица волнистую прядь седеющих волос. Был лишь конец мая, но знойное чарльстонское лето уже заявляло свои права, пытаюсь задушить город в своих жарких объятиях.

— Элеонор, а с каких это пор ты ждешь его звонка? Просто приди и поиграй пару часов. Ведь он неплохо платит. Поможешь Еве принять ванну с утра, до того, как уйдешь на работу.

Я вытерла лоб рукой, пытаюсь смахнуть капельки пота.

— Я действительно устала сегодня, мама. Не знаю, стоит ли идти туда.

Ее молчание было красноречивее всяких слов. Оно словно кричало, напоминая о том жарком лете четырнадцать лет назад, когда я убила все ее мечты.

— Ты же можешь взять такси, — сказала она не допускающим возражений тоном, словно уже победила меня в этом споре, и, если честно, так оно и было.

Обмакнуть, встряхнуть, повернуть.

— Хорошо, мама, — сказала я, укладывая первый куриный окорочок на сковородку и наблюдая, как его кожа пузырится в кипящем масле.

После ужина, который прошел в относительном молчании, я смахнула с тарелок остатки еды и отправилась в свою комнату переодеться. Я натянула красное атласное платье с довольно низким декольте, которое плотно облегалo мое тело. Мать переделала его из вечернего платья Евы, когда узнала, что в баре Пита в Северном Чарльстоне ищут пианиста, который мог бы играть там по вечерам и в выходные, чтобы случайно забредшие посетители задерживались послушать музыку и покупали больше напитков.

Глен вскочил на ноги.

— Я забыл на переднем сиденье пиджак и кошелек. Дай-ка я их заберу, пока ты еще не уехала.

Он схватил ключи со стола в прихожей.

Глаза Евы сверкнули, когда она увидела, как Глен выходит вместе со мной из двери, ведущей на крыльцо. Он прошел по ступенькам до обочины, где была припаркована его машина, нарочито стараясь не прикасаться ко мне, и сунул ключи мне в руки.

— Ты вообще не обязана ехать туда, Элеонор.

Неужели он догадывается? Я пристально посмотрела в его глаза — он говорил совершенно искренне.

— Это всего лишь на пару часов.

Я опустила глаза на руки с коротко обрезанными ногтями — все эти годы я была верна этой привычке.

— Ты не обязана туда ехать, — повторил он так тихо, что я едва смогла разобрать слова, и теперь была уверена — он знал, что, как только смолкнут